

Стремительно началась его жизнь.

Из станционного буфета и с электростанции, где он проходил школу пролетарской науки, жизнь кратчайшим путем вела его в Революцию. Острое чувство социальной несправедливости заставляло забрасывать камнями контору помещика, подвигало спорить с преподавателем закона божьего, а затем расклеивать листовки и прятать оружие.

Николай Островский рано понял, что правда, говоря словами Максима Горького, «крепко пахнет и всегда одинаково — трудовым потом!»

С той минуты, как большевик Иван Семенович Линник рассказал ему о большевиках, он безоговорочно поверил в этих людей, в их дело, в Ленина. Потом свою вер-

Верность и мужество

2207
«...Писатель — это учитель», — говорил Николай Островский. Он очень хотел, чтобы молодые рабочие и крестьяне учились у хороших писателей — учителей

ную руку дал ему большевик Жухрай.

Как только в Шепетовке создается комсомольская организация — Николай Островский в ее рядах. Пятнадцати лет он уже боец Красной Армии. «Мы, может быть, больше других чувствовали ее очарование (жизни. — В. Л.), но мы твердо знали, что самое главное сейчас — уничтожить классового врага и отстоять революцию». Время властно поворачивало Николая Островского, как и его героя Павла Корчагина, навстречу всем ветрам и бурям.

Боец бригады Котовского и 1-й Конной армии Николай Островский, наверное, знал слова Владимира Ильича Ленина, обращенные к красноармейцам, отправлявшимся на польский фронт: «вы — солдаты рабоче-крестьянской республики... вы идете к ним не как угнетатели, а как освободители». Ощущение этой миссии — освободителя угнетаемых — останется у Николая Островского на всю жизнь.

А пока гремит война, и он, и Корчагин, и все «братишки» совершают чудеса геро-

изма, которым, казалось, тогда не удивлялся никто. Это было в порядке вещей. Но слушаем Сергея Мироновича Кирова: «Мы, большевики, вообще говоря, народ, который умеет бороться, не щадя своей жизни, и то иной раз с «завистью» смотрели на героев, которых давал тогда комсомол».

Герберт Уэллс после беседы с Владимиром Ильичем Лениным писал в книге «Россия во мгле»: «Осуществление таких проектов в России можно представить себе только с помощью сверхфантазии». Он угадал. Люди, подобные Николаю Островскому, обладали сверхфантазией, потому что бесконечно вери-

ли во всецелое коммунистической идеи. Ленин провидел, они верили. Для писателя-иностранца Россия вставала «как... картина колоссального и непоправимого краха», навечно застывшая во мгле, для них же не было благороднее задачи, чем разогнать эту мглу. Вера в идею рождала веру в абсолютную неограниченность своих сил.

«В ответ на бандитские нападения мы, строители узкоколейки... заверяем... что, несмотря на все препятствия, дадим городу дрова к первому января... Да здравствует коммунистическая партия, пославшая нас!

Председатель митинга Корчагин...»

Островский чуть не погиб

под Бояркой, но «воскрес», снова вернулся в Киев, включился в активную жизнь, снова его свалила болезнь после того, как спасал лесосплав на Днепре.

Не был исключительным героем, а совершал то, что и многие ребята его возраста вокруг.

«Работаю я комиссаром пропаганды, — писала Глаша Шорникова, — кулаки прячут хлеб. Я ссохлась от работы и дум».

Проходила неделя борьбы против опасности новых войн; боролись за то, чтобы поросенок, выращенный комсомольской ячейкой, был лучшим в селе; боролись с руганью (помните, как сокрушался Корчагин, резко бросивший курить, что еще с руганью не совладал), решили,

(Окончание на 2-й стр.).

25 СЕН 1984

Комсомольская правда
г. Москва

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

если случайно вырвется ругательное слово — штрафовать в 5 к. золотом».

«В селе Владыкино Сердобского уезда... комсомолец Миша Солдатов... через посылки втягивает крестьянских девушек (даже) в комсомол». Райполитрук Островский в Березове садился с гармошкой на завалянку: «заиграю... Начинаются пляски, шутки, смех. Хороши были эти вечера! Потом незаметно переходили на разговоры, на дела комсомольские...».

Привычные тогда слова «Долой спячку!» могли бы быть его личным лозунгом. Он призывает к предельной самоотдаче, предельной конкретности жизни и работы. «Если не можешь воспитать сотни, воспитай хоть пять».

ботку второго тома «Война и мир».

До конца жизни следил он за каждой значимой книгой. И с гордостью называл себя интеллигентом.

Настоящий боец, он никогда не считал поражение — катастрофой.

Когда говорил, что он «не герой на час», не исключительность свою подчеркивал — готовность быть необходимым. Никогда не кичился и не объявлял себя человеком подвига. У него просто не укладывалось в голову — как это, так, он, Николай Островский, лежит в бездействии. Разве имеет на это право большевик, комсомолец, даже если сбит судьбой с ног?

Судьба ударила его с другой стороны — первая повесть о котовцах безвозвратно уте-

лем с выразительной фамилией Чужанин...

Люди эти всегда могли предать общее дело.

«К столу протиснулся парень... Летучей мышью кувыркнулся над столом маленький билет...»

— ...Из-за этого кусочка картона не пожертвую аловьем!»

Это голос случайно затесавшегося в ряды. Голос мешанина.

Страстный рубака Корчагин, а рядом с ним и Островский сражаются с мешанством, о котором Максим Горький писал: «Мешанство — это ползучее растение, оно способно бесконечно размножаться и хотело бы задушить своими побегами все на своей дороге»...

Шашкой своей отточенной строки Николай Островский

как и любой из нас, дерушихся на всех участках нашей стройки».

Страна поднималась, строилась, обрастала заводами и городами. Шла коллективизация. Первый советский трактор, выпущенный СТЗ, проехал по улицам Москвы и остановился у Большого театра — там работал XVI съезд партии.

Тогда многое было первое и впервые.

Большевистский темп опережал время.

Островский приветствует ударничество. Он получает телеграмму от Стаханова и тут же шлет ему «братский привет».

Его «каленое сталью» большевистское сердечко очень радуется, когда военкомат вновь ставит его на учет. Эту радость объясняет нам Мате Залка, будущий генерал Лукач: «В нем все еще чувствуется красноармеец».

Орден Ленина Островскому прикалывают на гимнастерку. Он надевает форму бригадного комиссара.

Начинается рабочий день, и писатель тут же говорит:

— Читайте газеты. Что там на итало-абиссинской границе?

Его тревожил фашизм — «сумасшедший с бомбой». Чтобы разоблачить этого сумасшедшего, он начал работать над романом «Рожденные бурей». Он мечтал о мировой революции и представлял себя подпольщиком, сражающимся против Франко.

«Душно в Европе. Пахнет кровью». И он, словно требуя, чтобы распахнули окно и выпустили свежий воздух, говорил:

«Довольно. Читайте о жизни нашей страны!»

Своей газетой считал «Комсомольскую правду». К ее лосу прислушивался, посылал для публикации отрывки своих произведений, беспокоился о качестве газеты. Настойчиво предлагал ввести литературную страничку, чтобы в ней печатались лучшие произведения наших комсомольских поэтов и писателей!»

Ему хотелось, чтобы молодые писатели были достойны своего времени. «Не верь, товарищ Анна, — писал он Караваеву, — что я... стал писать меланхолические новеллы». От этого он предостерегает и молодых, подчеркивая: «Писатель — это учитель».

Самые обширные планы были у него. Написать книгу для детей. Фантастический роман. И «Счастье Корчагина» — заключительную книгу «Как закалялась сталь»...

Мы знаем — есть музей Николая Островского, и это хорошо — там собрана история его жизни. Танк «Николай Островский» громил фашистов. Есть улицы и переулки, отряды и бригады, совхозы имени Николая Островского. Вассоюзный ударный комсомольский отряд «Корчагинец». Это знаки памяти и любви. Но вот мы открываем книгу, и появляется отчаянный Павлик Корчагин. Он вскакивает на коня, его шапка победно вспыхивает на солнце... Или в стужу он одержимо строит свою «магистраль века» — дорогу к станции Боярка. Или опять в шинели райполитрука идет организовывать комсу... Очень звонкий, очень настоящий, очень живой.

— Как живешь, братишка? — спрашивает он голосом верного друга. У него и в мыслях нет, что кто-то может не откликнуться, настолько он чистосердечен и уверен в своей правоте.

...В типографии набиралась книга «Рожденные бурей», когда Николай Островский умер. Он сделал больше, чем мог, и имел на это право — умереть.

«Да здравствует пламя жизни!»

В. ЛИПАТОВ,
лауреат премии
имени Николая
Островского.

Верность и мужество

«Человечище» — так говорил о Николае Островском Максим Горький. Подпись великого пролетарского писателя стоит на писательском билете Николая Островского.

рых, хоть одного. Это тоже много — воспитать пять большевиков».

Прекрасно описана им комсомольская масса. О VI съезде РКСМ: «...тысячи сливались здесь в единый мощный трансформатор никогда не затухающей энергии». С желанием показать неповторимость характеров выписаны герои в романе «Как закалялась сталь». И большевики, и комсомолы. Ведь, кроме Павки Корчагина, там есть Сережа Брузжак, Гришутка Хороводко, Рита Устинович, многие из боевой «братвы». Небывалые события врезаются Николаю Островскому в память. И рождается желание — запомнить, записать, написать. В нем созревает писатель.

Ни дня без книги — так он живет. «Неистовый читатель», еще в юности он собрал на чердаке целую библиотеку. Но тем временем сделать это было непросто. Когда позволяло время, читал по двадцать часов в сутки. Пушкин, Толстой, Чехов, Горький, Серафимович, Фурманов, Маяковский, Шолохов... Велик список его любимых авторов, его любимых книг.

Спорил о книге, как о человеке, пристранно. Считал хорошую книгу товарищем по борьбе, советчиком и другом. В юности его любимыми книгами были рассказы о Гарибальди и «Овод». Из романа «Как закалялась сталь» вы узнаете, как «мужественные, сильные духом и волей революционеры (герои) «Овода» — В. Л.) охватывали... неизгладимое впечатление» у Павла Корчагина, как «Овод» помогал ему переносить мучительные операции в госпитале после ранения. Но порой и мешал, когда Корчагин становился в позу отрицания всего личного во имя революции.

Уже потом Островский читает как писатель, учится мастерству: «начинаю прора-

рына. Он взялся за карандаш и начал писать роман, поставив перед собой задачу «дать образ молодого бойца».

Слепой, он писал, пока писала рука, потом стал диктовать.

И всегда рядом была жена Раиса Порфирьевна, «Милый Райком», верный товарищ. «Я бросился на прорыв железного кольца».

Восемнадцать часов в сутки длился его рабочий день.

Книгу издало издательство «Молодая гвардия» — непреодолимая благодарность ему за это. Но не забудем, что рекомендовал книгу и сражался за нее коммунист Феденев. Что многие другие коммунисты и комсомольские работники во многом помогли писателю.

Ему помогали люди, без которых он не мог жить. Ему хотелось, чтобы вокруг дружеским весельем искрилась жизнь: умел жить радостью других.

К дружбе относился требовательно. «Дружба — это прежде всего искренность, это критика ошибок товарища... Откройте же артиллерийский огонь... Так жил он, так жил его верный товарищ — Павел Корчагин. Он воспринимал Павку как реальное лицо, абсолютно отличное от себя, но предельно близкое по духу.

«Если тебе дело наше дороже всего, ты дашь мне пять»... И давали «пять» Павлу Корчагину те, кто находился в себе силы осознать свои ошибки. А в бессильной злобе отворачивались не принимавшие чистоты его намерений, желавшие только одного: пожирнее пожить».

С ними спорит и борется Корчагин.

С чиновником Туфтой, поклонником циркуляров и сторонником групповщины; с перерожденцем Дубавой; с «похвальной скотиной и негодяем» Файко; с хвастуном и карьеристом Развалихиным; формалистом и шего-

обрубал эти побеги — безжалостно и сурово.

«С трибуны они зовут на подвиг, а сами живут, как сукины сыны». Неустанно он восстает против равнодушных и заживревших, обрастающих бараклом. «Вокруг меня ходят крепкие, как волю, люди, но с холодной, как у рыб, кровью, сонные, безразличные, скучные и размагниченные. От их речей веет плесенью, и я их ненавижу...»

Он никогда не переставал сражаться с такими людьми. А был ведь человеком нежнейшей души, очень любил детей, умел находить с ними общий язык.

Был бережно-ласков с друзьями: «Братишка, я тебя люблю и ожидаю».

Его всегдашняя забота и любовь — мать.

«Никогда тебя не забываю... Крепко жму твою руку, честные, рабочие руки и нежно обнимаю».

«У него не было полочувств», — пишет Раиса Порфирьевна Островская. Его доброта и нежность замирали, когда он видел, что заматываются на самое святое — на Советскую власть.

О ней он умел и любил говорить яркое слово. Пока мог, руководил всевозможными кружками политграмоты. Когда слез, заговорил с миллионами читателей через книгу. Конечно, «Как закалялась сталь» — это интереснейший роман. Но для многих и многих молодых людей он стал и учебником политграмоты, подобным «Оводу».

«Как закалялась сталь» всегда была с теми, кто записал высокие идеалы и служил человечеству. Ударники пятилеток, солдаты Великой Отечественной, космонавты, строители БАМа открывали эту книгу, и бесстрашный Павлик Корчагин становился с ними рядом.

Время торопило Островского, а он торопил себя.

«Если мне сейчас дать хоть одну руку и один глаз — я буду такой же скаженный,